

УДК 811.161.1

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА
В ИХ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

© 2019 г.

Э.Ю. Галазов

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ

egalazov@mail.ru

Поступила в редакцию 12.04.2018

Выявляются и описываются на конкретном языковом материале системно-функциональные взаимосвязи и взаимодействие между глагольными грамматическими категориями. В ходе работы использовались методы наблюдения, описания, функционально-семантического анализа. На основании проведенного исследования выявлено, что в процессе функционирования глагольной формы между грамматическими категориями возникают разные типы взаимодействия. При взаимодействии системно совместимых категорий и граммем возникают наиболее интересные случаи функционирования грамматических форм. При взаимодействии системно несовместимых граммем парадигматические ограничения могут быть преодолены за счет контекста и ситуации, в результате чего выражаются скрытые, имплицитные грамматические значения.

Ключевые слова: функциональные взаимосвязи, функциональное взаимодействие, парадигматические взаимосвязи, грамматические категории, системно совместимые категории, системно несовместимые категории, парадигматические ограничения, имплицитные грамматические значения.

Выявление и описание межкатегориальных связей в грамматике в настоящее время становится одним из актуальных направлений грамматических исследований [1, с. 3–6, 6–22; 2, с. 257–262; 3, с. 85–110; 4, с. 25–28; 5; 6; 7, с. 144–153; 8, с. 22–43; 9, с. 31]. Это соотносится с теорией системных исследований, с анализом взаимодействия системных объектов, соотношения системы и среды. Эти проблемы актуальны как для традиционной (исходно-формальной), так и для функциональной (исходно-семантической) грамматики.

А.В. Бондарко подчеркивает, что, несмотря на существенные научные достижения в данной области, проявляющиеся как в теоретических обобщениях, так и в конкретном анализе языкового материала, многие вопросы в этой сфере грамматической теории остаются актуальными и требуют дальнейших исследований [1, с. 5]. Он определяет общую стратегию описания поликатегориальных единств, выделяет основные направления исследования межкатегориальных связей [1, с. 3–6].

При комплексном, взаимосвязанном описании глагольных грамматических категорий наряду с учетом взаимосвязи грамматических категорий между собой предполагается также учет взаимосвязи их грамматической семантики с лексической семантикой глагольных лексем. Аспект взаимосвязи, взаимодействия грамматической и лексической семантики соотносится с принципами системно-функционального описания русского языка.

Исследование межкатегориальных связей особенно актуально для системы глагольных категорий, так как в глаголе как центре предикативности взаимосвязи грамматических категорий выступают в концентрированной форме.

Глагольные грамматические категории находятся друг с другом в сложных системно-функциональных взаимосвязях, обусловленных тем, что они всегда представлены в одной и той же словоформе (за исключением категорий лица и рода, которые не совмещаются друг с другом).

Статус грамматических категорий в системе глагола неоднозначен, между ними существуют определенные иерархические отношения. Наиболее высокое место в этой системе занимают категории вида и залога, которые являются универсальными категориями, свойственными для всех глагольных форм. Они в меньшей степени зависят от других категорий, могут быть представлены вне сочетания с граммемами других грамматических категорий и имеют специфические средства выражения (приставки, суффиксы, постфиксы). Следующими по значимости являются грамматические категории времени, лица, наклонения, которые присутствуют не у всех форм глагола, являются средством выражения предикативности и имеют в качестве формальных показателей окончания (за исключением прошедшего времени, выражаемого суффиксом). Наконец, на нижней ступени иерархической лестницы находятся грамматические категории числа и рода, «наименее» глагольные категории.

Существуют более близкие, смежные категории (например, вид и время, вид и залог, наклонение и время) и категории, семантически далекие друг от друга (например, наклонение и лицо, наклонение и вид, наклонение и залог, наклонение и число). Соответственно между граммемами существуют разнообразные парадигматические отношения: одни граммемы тесно связаны друг с другом, другие – гораздо меньше, третьи – вообще не могут сосуществовать друг с другом.

В процессе функционирования глагольной словоформы между грамматическими категориями и соответственно между граммемами происходят взаимодействия двух типов: взаимодействие системно совместимых категорий и граммем и взаимодействие системно несовместимых категорий и граммем.

При взаимодействии системно совместимых категорий и граммем возникают наиболее интересные случаи функционирования грамматических форм: частные, расширительные значения, переносные типы употребления.

Так, например, взаимодействие категорий вида, времени, наклонения в определенных контекстах создает частные значения видов с модальными оттенками.

Для несовершенного вида это потенциально-качественное, потенциально-узуальное и конативное значения, для совершенного вида – потенциальное значение [10].

О потенциально-качественном значении несовершенного вида говорят тогда, когда потенциальная возможность осуществления действия выступает как свойство субъекта [10, с. 30–31]. При этом действие является неограниченно кратным, не локализованным во времени. Например:

«А будешь любить, то ты уже и божья... Любвью все *покупается* (= возможно купить. – Э.Г.), все *спасается* (= возможно спасти. – Э.Г.). Уже коли я, такой же, как и ты, человек грешный, над тобой умилился и пожалел тебя, кольми паче бог» [11].

«Разумихин был еще тем замечателен, что никакие неудачи его *никогда не смущали* и никакие дурные обстоятельства, казалось, не могли придавить его» [12].

Другое частное значение несовершенного вида, содержащее модальный оттенок, – это потенциально-узуальное значение, которое часто рассматривают как разновидность конкретно-процессного значения, оно типично для научной и официально-деловой речи. Это значение характерно для пассивных, неопределенно-личных конструкций, форм инфинитива в

сочетании со словами *следует, необходимо* и под. [13, с. 610]. Например:

«– Так, верно, те, которых ведут на казнь, *прилепливаются* (всегда. – Э.Г.) мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге», – мелькнуло у него в голове, но только мелькнуло как молния; он сам поскорей погасил эту мысль...» [12].

«– Это, собственно, судейский слог, – перебил Разумихин, – судейские бумаги до сих пор так *пишутся*» [12].

«Видно, *так уж бывает* на свете; видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни *обращаются* в поэтов; но слово «поэт» будет уже слишком» [14].

Модальность присутствует и в конативной разновидности конкретно-процессного значения, когда конкретное действие представлено как попытка его осуществить, а из последующего контекста уже виден дальнейший ход событий, является ли эта попытка успешной или безуспешной [10, с. 27]. А.В. Бондарко отмечает: «Конативное значение содержит в себе не только видовой, но и модальный элемент: внимание концентрируется на стремлении к достижению результата, который еще не стал или вообще не становится реальностью» [10, с. 27]. Такое значение может быть проиллюстрировано сочетаниями типа *хотели, пытались построить* и т.п.

«– А почему и я-то знаю! – злобно засмеялся Рогожин. – В Москве я ее тогда ни с кем *не мог изловить*, хоть и долго *ловил*» [15].

«Я видал ученых, литераторов, поэтов, политических деятелей, *обретавших и обретших* в этой же науке свои высшие примирения и цели, даже положительно только этим сделавших карьеру» [15].

Для совершенного вида модальность содержится в потенциальном значении (с оттенками возможности-невозможности, долженствования, желания, готовности, способности совершить действие, предположительного допущения) [10, с. 23]. Например:

«– А генеральша когда принимает? – спросил князь, усаживаясь опять на прежнее место. – Это уж не мое дело-с. Принимают розно, судя по лицу. Модистку и в одиннадцать *допустит*» (= захочет допустить. – Э.Г.) [15].

«– Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: *убьешь* (= сможешь убить. – Э.Г.) ты сам старуху или нет?» [12].

«Ноздрев долго еще *не выведется* из мира» [14].

Особенности выражения побуждения (категоричный приказ, запрет, возобновление прерванного действия, стремление преодолеть колебания побуждаемого к действию человека и

т.д.) обусловлены взаимодействием категорий вида и склонения в сочетании с контекстом и ситуацией. В императиве виды могут выражать различные модальные оттенки. Например, при отрицании формы совершенного вида в повелительном склонении приобретают значение предостережения (*не говори – не скажи, не падай – не упади*). Характерен для совершенного вида такой тип употребления, как «обратное побуждение», когда на самом деле выражается запрет действия, обозначенного формой повелительного склонения совершенного вида: **Поговори еще мне! Попадись мне только!** В таких контекстах имплицитно выражается запрет и угроза.

Функционирование форм повелительного склонения в переносных значениях совмещается с единственным числом и совершенным видом. Например:

«Все эти ласковые лица, которые меня так любят, – вдруг стали неприступны; *зашли* я, и меня тотчас же унесут» [16].

«– Да заплаточки не на чём положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а *подуй* ветер, так разлетится» [17].

Наиболее интересные и экспрессивные случаи употребления форм лица (обобщенно-личное, неопределенно-личное, безличное) обусловлены функциональным взаимодействием категории лица с другими глагольными грамматическими категориями (вида, времени, склонения, залога).

При употреблении 2-го лица единственного числа в обобщенно-личных конструкциях и 3-го лица множественного числа в неопределенно-личных конструкциях предполагается обычность, типичность действия, т.е. его обобщенность во времени, нелокализованность действия во времени. При этом обобщенно-личное и неопределенно-личное употребления возможны как в речевом плане, так и в плане повествования. Например, в плане коммуникации:

«Уж одно слово, что он фатер, – я не об немцах одних говорю, – что у него семейство, он живет как и все, расходы как и у всех, обязанности как и у всех, – тут Ротшильдом *не сделаешься*, а *станешь* только умеренным человеком» [16].

«– Позвольте-с: у меня там жену *уведут*; уймете ли вы мою личность, чтоб я не размозжил противнику голову?» [16].

В плане информации:

«Васин был, очевидно, лучшим и благонадежнейшим жильцом; такой самый лучший жилец непременно бывает один у хозяйки, и за это ему особенно *угождают*: у него *убирают* и *подметают* тщательнее, *вешают* над диваном

какую-нибудь литографию, под стол *подстилают* чохоточный коврик» [16].

Формы 2-го лица единственного числа в обобщенно-личных конструкциях часто выражают дополнительные модальные оттенки, которые связаны с совершенным видом (с потенциальным частным видовым значением). В этих случаях проявляется связь категории лица и склонением. Например:

«Но, собственно, об этом после. Этого так *не расскажешь* (= не сможешь рассказать. – Э.Г.). Этим человеком и без того будет наполнена вся тетрадь моя» [16].

Категории лица и залога неразрывно связаны с понятиями подлежащего и субъекта. Различные переносные и расширительные употребления форм лица (обобщенно-личное, неопределенно-личное, безличное) возникают в результате ослабления связи между лицом и субъектом в конкретных конструкциях.

Функционирование форм лица в переносном значении осуществляется совместно с категорией числа, например, так называемое значение «участливой совместности», характеризующееся оттенком ироничности, снисходительности, участия, когда вместо 2-го лица единственного числа употребляется 1-е лицо множественного числа. Например:

«– Вижу, вижу; ну так как же *мы* теперь себя *чувствуем*, а?» [12].

При взаимодействии системно несовместимых граммем в процессе функционирования грамматических форм парадигматические ограничения могут преодолеваются, компенсироваться с помощью других языковых средств. В этом случае эксплицитно не представленные граммема выражаются неявно, имплицитно благодаря лексическому значению глагола, контексту и ситуации. Например, в процессе функционирования в тексте формы изъявительного склонения, обозначающие реальные действия, становятся способны к выражению различных модальных оттенков, и таким образом преодолевается парадигматическая ограниченность изъявительного склонения. Модальные оттенки изъявительного склонения зависят не только от вида, но и от времени глагола. Наиболее склонно к выражению различных модальных оттенков (возможности (невозможности), необходимости, готовности, желательности и т.д.) будущее простое, которое выступает в этих случаях в роли настоящего неактуального, например:

«Ну-с, а моя мысль именно такова, что всего больше *заметишь* и *узнаешь*, наблюдая молодые поколения наши» [12].

«Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная, и *оборвет...*» [12].

Для форм настоящего и особенно прошедшего времени не характерно выражение каких-либо модальных оттенков, хотя некоторые ограниченные возможности у них все же имеются. Формы настоящего времени, например, могут функционировать в значении будущего времени, выражая при этом модальные оттенки решимости, готовности, намерения осуществить действие:

«– До свидания, князь, и я уйду, – сказала Аделаида» [15].

Вместе с тем ирреальные наклонения могут в конкретной ситуации обозначать действия реальные, т.е. взаимодействовать с темпоральной семантикой, например:

«Только вся штука в том, что тут и *подвернись* господин Чебаров, надворный советник и деловой человек» [12].

«– Известно, пьяным представится да нарочно и лезет под колеса; а ты за него *отвечай*» [12].

«Хоть и везут тебя, хоть и заботятся о тебе, хоть подчас даже так убаюкают, что, кажется бы, и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что сам ничего не делаешь, потому что уж слишком о тебе заботятся, а ты *сиди да жди*, когда еще довезут» [18].

Некоторые граммы функционально несовместимы или мало совместимы, например, повелительное наклонение и страдательный залог (типа *Будь услышан, поэт* [19, с. 67] – такие употребления очень редки, потому что в этом случае побуждение к действию относится к одному лицу, а выполнять его должен другой); формы императива не могут употребляться в неопределенно-личном значении (конструкции типа *Пусть о них не говорят* можно рассматривать как сочетания побудительной частицы *пусть* с формами изъявительного наклонения); безличные глаголы в повелительном наклонении не употребляются, кроме случаев переносного употребления, когда формы повелительного наклонения побуждения не содержат (*Случись нам познакомиться раньше, все могло бы сложиться иначе*); формы 1-го и 2-го лица редко сочетаются с пассивом (типа *я командуюсь, ты назначаешься*).

Таким образом, анализ взаимосвязей и взаимодействия грамматических категорий глагола в системно-языковом и речевом аспектах позволяет выявить и описать все возможные типы парадигматических и функциональных межкатегориальных связей, причем не только между близкими, родственными категориями, но и между категориями, достаточно отдаленными друг от друга.

Частные значения грамматической формы, переносные типы употребления, возникающие в

тексте, в конкретном предложении, являются результатом взаимодействия не только грамматической формы и контекста, грамматических и лексических значений, но и результатом взаимодействия грамматических категорий.

Парадигматические ограничения могут быть преодолены в процессе функционирования грамматических форм за счет контекста и ситуации, в результате чего выражаются скрытые, формально невыраженные, имплицитные грамматические значения.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Предисловие к книге: Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. СПб., 1996. С. 3–6.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянских культур, 2002. 736 с.
3. Бондарко А.В. Системные связи в грамматике и тексте // Материалы чтений памяти Ю.А. Пупынина. СПб., 2011. С. 85–110.
4. Бондарко А.В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI. Ч. 1. СПб., 2015. С. 25–28.
5. Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 231 с.
6. Пупынин Ю.А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: Взаимосвязи грамматических категорий. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1990. 79 с.
7. Пупынин Ю.А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. СПб., 1996. С. 43–61.
8. Храковский В.С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. СПб., 1996. С. 22–43.
9. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 5–57.
10. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы (1880) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
12. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание (1866) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
13. Русская грамматика: В 2 т. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2005.
14. Гоголь Н.В. Мертвые души (1842) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
15. Достоевский Ф.М. Идиот (1869) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

16. Достоевский Ф.М. Подросток (1875) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

17. Гоголь Н.В. Шинель (1842) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

18. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях (1863) // Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.

19. Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 88 с.

GRAMMATICAL CATEGORIES OF THE VERB IN THEIR SYSTEM FUNCTIONAL RELATIONS AND INTERACTION

E.Yu. Galazov

The article reveals and describes system functional relations and interaction between the grammatical categories of the verb, as illustrated by specific language material. The following methods of research have been used: observation, description, functional-semantic analysis.

Our study has revealed that there are various types of interaction between the grammatical categories of the verb in the process of its functioning. The most interesting cases of functioning of grammar forms appear when systemically compatible categories and grammemes (grammar forms) interact between themselves. When systemically incompatible grammar forms interact, some paradigmatic restrictions can be overcome through the context and situation; as a result, some hidden, implicit grammatical meanings are expressed.

Keywords: functional correlation, functional interaction, paradigmatic relations, grammatical categories, systemically compatible categories, systemically incompatible categories, paradigmatic restrictions, implicit grammatical meanings.

References

1. Bondarko A.V. Predislovie k knige: Mezhekategorial'nye svyazi v grammatike / Pod red. A.V. Bondarko, M.D. Voejkovoj, N.A. Kozincevoj. SPb., 1996. S. 3–6.

2. Bondarko A.V. Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki: Na materiale russkogo yazyka. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2002. 736 s.

3. Bondarko A.V. Sistemnye svyazi v grammatike i tekste // Materialy chtenij pamyati Yu.A. Pupynina. SPb., 2011. S. 85–110.

4. Bondarko A.V. Analiz glagol'nyh kategorij v sisteme funkcional'noj grammatiki // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanij. T. XI. Ch. 1. SPb., 2015. S. 25–28.

5. Mezhekategorial'nye svyazi v grammatike / Pod red. A.V. Bondarko, M.D. Voejkovoj, N.A. Kozincevoj. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 231 s.

6. Pupynin Yu.A. Funkcional'nye aspekty grammatiki russkogo yazyka: Vzaimosvyazi grammaticheskikh kategorij. L.: Izd-vo LGPI, 1990. 79 s.

7. Pupynin Yu.A. Grammaticheskie kategorii russkogo glagola v ih sistemno-paradigmaticheskikh i funkcional'nyh svyazyah // Mezhekategorial'nye svyazi v grammatike / Pod red. A.V. Bondarko, M.D. Voejkovoj, N.A. Kozincevoj. SPb., 1996. S. 43–61.

8. Hrakovskij V.S. Grammaticheskie kategorii glagola (opyt teorii vzaimodejstviya) // Mezhekategorial'nye svyazi v grammatike / Pod red. A.V. Bondarko, M.D. Voejkovoj, N.A. Kozincevoj. SPb., 1996. S. 22–43.

9. Yarceva V.N. Vzaimootnoshenie grammatiki i leksiki v sisteme yazyka // Issledovaniya po obshchej teorii grammatiki. M., 1968. S. 5–57.

10. Bondarko A.V. Vid i vremya russkogo glagola. M.: Prosveshchenie, 1971. 239 s.

11. Dostoevskij F.M. Brat'ya Karamazovy (1880) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. <http://www.ruscorpora.ru>.

12. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie (1866) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. <http://www.ruscorpora.ru>.

13. Russkaya grammatika: V 2 t. M.: In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 2005.

14. Gogol' N.V. Mertvye dushi (1842) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. <http://www.ruscorpora.ru>.

15. Dostoevskij F.M. Idiot (1869) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka // <http://www.ruscorpora.ru>.

16. Dostoevskij F.M. Podrostok (1875) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. <http://www.ruscorpora.ru>.

17. Gogol' N.V. Shinel' (1842) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. <http://www.ruscorpora.ru>.

18. Dostoevskij F.M. Zimnie zametki o letnih vpechatleniyah (1863) // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. <http://www.ruscorpora.ru>.

19. Bulanin L.L. Kategoriya zaloga v sovremennom russskom yazyke. L.: Izd-vo LGU, 1986. 88 s.